

УДК 81'36

ББК 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73

Научная статья

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КРЕАТИВНОСТЬ: НАРУШЕНИЕ НОРМЫ?

Беляевская Елена Георгиевна

Московский государственный
лингвистический университет, Москва, Россия

Аннотация

В статье обосновывается положение о том, что лингвистическая креативность, которую принято связывать с неординарным и непривычным использованием языковых средств, приводящим к повышению эффективности прагматического воздействия в процессе коммуникации, не следует трактовать как нарушение принятой системной и/или коммуникативной нормы. Лингвистическая креативность основывается на знании языковой системы (language competence) и реализуется в сфере пользования языком (language performance), т.е. в сфере номинации и сфере текстотворения, где она начинает соотноситься с языковой нормой как когнитивной программой дальнейшей «правильной» реализации языковой способности в дискурсивных практиках. Норма представляет собой совокупность моделей конструирования высказываний в соответствии с принятыми и кодифицированными правилами грамматики, фонетики, а также правилами выбора слов и фразеологизмов и их сочетания при формировании последовательностей языковых элементов. Кодифицируя принятые правила пользования языком, норма одновременно обладает свойством вариативности и допускает адаптацию языкового употребления к постоянно меняющимся условиям коммуникации. Знание языковой системы предполагает, в том числе, знание пределов вариативности языковой нормы, что дает возможность определить лингвистическую креативность как тестирование вариативного потенциала языковой системы в процессе дискурсивной деятельности говорящего с учетом возможных пределов расширения нормы. Языковые механизмы реализации лингвистической креативности охватывают все уровни языковой системы, включая возможность использования в этом плане заимствований и иноязычных элементов, которые редко упоминаются в этом плане. Изучение материала современного английского языка (германского), где заимствованная романская лексика составляет более половины словарного состава, показывает, что участвовать в языковой игре и считаться проявлением лингвокреативности заимствования могут только в случае их полной адаптации, в том числе и когнитивной, к языковой системе принимающего языка.

Ключевые слова: лингвокреативность, норма, вариативность, расширение вариативного потенциала системы, когнитивные основания семантики, заимствования

В настоящее время лингвистическая креативность, будучи важным понятием теоретической лингвистики, определяющим целое направление изучения языкового материала, остается достаточно размытым и требует уточнения. Основные подходы к трактовке лингвокреативности и таких смежных с ней понятий, как языковая игра,

языковой эксперимент и словесное искусство, описаны в [Зыкова 2017: 542–638]. Причем, рассмотрев разные аспекты данного явления, автор приходит к следующему определению: «Лингвокреативность – способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), реализуемая коллективной личностью (социумом, народом) и индивидуальной личностью (отдельным представителем социума, народа), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т.е. модифицируются» [Зыкова 2017: 638].

В этом определении хотелось бы выделить некоторые моменты, которые могут способствовать лучшему пониманию явления лингвокреативности, что позволит уточнить разные аспекты дальнейшей разработки связанной с этим явлением лингвистической проблематики.

Во-первых, лингвокреативность позволяет построить прагматически ориентированный дискурс, и это означает, что она проявляется, прежде всего, в речевой (т.е. в дискурсивной) деятельности человека. Следовательно, искать креативность следует в сфере номинации и в сфере текстоформирования (в широком смысле), т.е. там, где осуществляется пользование языком в процессе коммуникации и где говорящий сталкивается с необходимостью выражения новых смыслов, а также с необходимостью поиска дискурсивных форм более эффективных в прагматическом плане.

Во-вторых, лингвокреативность предполагает некоторую модификацию принятого употребления, и это означает, что креативное использование языковых средств выглядит необычно и неожиданно, и, соответственно, именно эти факторы привлекают внимание получателя информации и обеспечивают более сильное прагматическое воздействие.

И, наконец, в-третьих, лингвокреативность, по своей сути, системна, т.е. она основывается на возможностях, заложенных в языковой системе. Иными словами, лингвистическая креативность основывается на знании языковой системы (*language competence*) и реализуется в сфере пользования языком (*language performance*).

Здесь возникает еще одно следствие, а именно – то, что для реализации креативного потенциала языка в речи необходимо полное и абсолютное знание языковой системы, а также знание того, до каких пределов можно модифицировать общепринятое, т.е. обычное и частотное употребление, не нарушая возможность понимания передаваемой информации. Следовательно, лингвокреативность может характеризовать только носителей языка или тех, кто близок к носителям языка по уровню владения языком.

Лингвистическая креативность привлекает сейчас внимание многих ученых. При этом она часто трактуется как тема, относительно новая для теории языка. Однако, на самом деле, рассмотрение того, что принято относить к сфере лингвокреативности, находится на пересечении нескольких давно известных фундаментальных проблем теоретического языкознания.

В этом контексте, прежде всего, следует назвать проблему соотношения и взаимодействия языка и речи, т.е. проблему реализации языковой системы в конкретных и многообразных коммуникативных ситуациях, когда особенности коммуникативного обмена зависят от индивидуального (в современных терминах – креативного) выбора

языковых средств говорящим. Соответственно, логически обусловлено появление второй проблемы – проблемы соотношения социального и индивидуального в языке и речи. Несовпадение общего, социального, и индивидуального возможно благодаря тому, что языковая система обладает свойством вариативности. С этим важнейшим свойством связана третья теоретическая проблема – проблема определения пределов варьирования и вариативности в языковой системе, которая подвержена весьма существенным историческим изменениям, но при этом в каждый момент времени остается тождественной самой себе. Последний аспект, на наш взгляд, особенно важен, поскольку он подводит к вопросу о том, что и как обуславливает изменение языковой системы, вопросу, который в свое время был подробно рассмотрен младограмматиками (см. [Пауль 1960]), однако, по сути, так и остался нерешенным. Тем не менее, совершенно очевидно, что для того чтобы «запустить» механизмы изменения языковой системы, необходимы некоторые (сначала незначительные) изменения в принятых употреблениях языковых средств, которые, возникнув в речи (творчестве) отдельных индивидов, смогут в дальнейшем получить широкое распространение и даже стать всеобщими. Так же очевидно, что лингвистическая креативность играет в этом процессе не последнюю роль.

И.В. Зыкова отмечает, что «лингвокреативность представляет собой, в сущности, реализацию (и/или воплощение) креативных возможностей языковой системы на самых разных ее уровнях и в отношении самых разных аспектов ее функционирования» [Зыкова 2017: 628]. Возникает вопрос о том, одинаковы ли механизмы лингвистической креативности в их реализации на разных уровнях языковой системы. Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо некоторым образом систематизировать те случаи, которые следует относить к проявлениям лингвокреативности. Классификация разновидностей лингвокреативности может проводиться по двум взаимосвязанным направлениям: во-первых, по тем мотивационным основаниям, которые обуславливают активизацию креативности в речевой деятельности, и, во-вторых, по формам языковой техники, лежащей в основе проявлений лингвистической креативности.

Изучение того, что обычно относят к проявлениям креативности в использовании языка, показало, что стимулировать реализацию лингвистической креативности может стремление:

- **имитировать идиолект другого человека** (в художественной литературе, в театре). Этот аспект традиционно находится в центре внимания исследователей в литературоведении и искусствоведении, хотя здесь имеется достаточно широкое поле деятельности для лингвиста;

- **сформировать свой индивидуальный идиолект**, отличный от других идиолектов. Формирование индивидуального идиолекта может проходить неосознанно и реализовываться как появление индивидуального, «узнаваемого» стиля автора, что, по-видимому, имеет место у каждого человека, составляющего тексты, и подтверждается возможностью определения авторства посредством лингвистического анализа. Однако выработка собственного авторского стиля может осуществляться осознанно и целенаправленно (например, в литературе, поэзии, художественной публицистике) для того, чтобы «быть не как все» или же создать новое художественное течение;

- **дать имена новым объектам или новым явлениям**. Процесс номинации составляет неотъемлемую часть коммуникации, он постоянно активен и приводит к формированию неологизмов, часть из которых «живет» несколько дней или

несколько недель, но часть – закрепляется в языке (например, *Brexit*). К этому же разряду относятся случаи так называемой «народной этимологии», обусловленные стремлением говорящего уточнить имеющиеся номинации, привести в них новые смыслы (например, *прихватизация*, *полуклиника*);

• **оказать определенное воздействие на получателя информации** (насмешить, напугать, воодушевить и т.д.). Такое стремление автора сообщения реализуется посредством использования стилистических приемов как существующих в языке моделей преобразования контекстов, например, для достижения юмористического эффекта, но может происходить на основе использования разных текстовых форм, к примеру, таких как тексты анекдотов, загадки или же разные дискурсивные жанры (юмористический рассказ, детектив, триллер и т. д.);

• **изменить существующий язык или создать новый язык**, причем такое проявление креативности при всей его необычности – не такое уж редкое явление. Новый язык создается только на базе уже имеющегося человеческого языка (например, – эсперанто, новояз, язык волшебников в книгах о Гарри Поттере и др.);

• **сконструировать новый тип текста или новую по форме и содержанию часть текста**. Данная авторская интенция активизируется в настоящее время появлением новых возможностей передачи информации, в частности, обращением к возможностям Интернета;

• **дополнить созданный текст иллюстративным материалом**. На первый взгляд, может показаться, что текст и рисунок – это две разные, самостоятельные формы передачи информации. Однако новейшие исследования полимодальных текстов, сформировавшие отдельное перспективное направление научных изысканий, свидетельствуют о том, что здесь мы имеем дело с двумя каналами трансляции одной и той же информации, которые неразрывно связаны между собой и дополняют друг друга.

Что касается систематизации конкретных языковых средств, которые могут трактоваться как проявления лингвистической креативности, то они представлены в [ЛДРТ 2021]. Более того, И.В. Зыковой была разработана целая система параметров лингвокреативности, своеобразная матрица, которая распространяется на все уровни языковой системы и позволяет измерить степень или уровень лингвистической креативности в разных дискурсах и разных жанрах [Зыкова 2020; 2021]. Таким образом, проведенные исследования показывают, что креативность в языковом употреблении может характеризоваться более высокой и более низкой степенью своего проявления, причем это зависит не только от конкретного автора, но и от того типа дискурса, к которому текст принадлежит.

Наличие таких свойств лингвокреативности как системность, с одной стороны, и необычность, с другой стороны, показывает, что это явление должно каким-то образом соотноситься с языковой *нормой*. В настоящее время, рассматривая креативные языковые средства, исследователь в основном следует своей интуиции, оценивая «необычность» и прагматическую эффективность употребления. Иногда даже высказывается мнение о том, что креативность в дискурсивной деятельности человека – это языковое употребление, находящееся вне системы, или языковое употребление, нарушающее норму. Предполагается, что доказательством «ненормативности» лингвокреативных употреблений является то, что в отличие от нормативных употреблений, «креативные контексты» невозможно прогнозировать и очень трудно моделировать.

Как известно, под *нормой* в лингвистике понимается «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» [ЛЭС 1990: 337]. Норма – это, прежде всего, явление, тесно связанное с литературным языком, и если с течением времени норма может меняться, отражая изменения, происходящие в коммуникативной практике, то при этом она не должна выходить за рамки литературного языка. Здесь, естественно, имеется в виду то, что изменение литературной нормы не превращает высказывание в диалектальное или просторечное, а просто указывает на то, что теперь *литературная норма допускает и такое употребление*. Отметим, что идея *допустимости* очень важна для понимания нормы. Поскольку языковая норма вариативна, сразу возникает вопрос о том, какую модификацию принятого употребления можно считать «креативной».

Следует также учитывать, что у нормы имеется как бы два разных источника. Во-первых, норма социальна и базируется на «отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» формах. Однако норма связана не только с традиционным употреблением, но также и с «давлением системы». Этот аспект привлекал особое внимание в структурной парадигме научного знания, в рамках которой обосновывалось положение о том, что системность проявляется, прежде всего, в сочетаемости языковых единиц, где могут представиться разные комбинаторные возможности.

Как известно, наиболее важной теоретической и практической проблемой, которую решала структурная лингвистика, был вопрос об устройстве языковой системы и, в том числе, вопрос о соотношении и взаимосвязи ее различных частей (или участков). Уровневая модель языка предполагала выделение языковых единиц на каждом уровне, но далее было необходимо определять закономерности сочетания единиц каждого уровня между собой при формировании единиц более высокого порядка или при формировании текстов. Изучение языкового материала показало, что можно выделить разные типы сочетаний единиц, причем основанием для выделения были два параметра – наличие в конкретной реализации и соответствие внутренним принципам организации системы. Прежде всего, обращают на себя внимание сочетания, которые соответствуют системным закономерностям и при этом достаточно частотны в речевой (дискурсивной) реализации. Их называют *рекуррентными* (recurrent) или частотными, обычными, привычными. Такими словосочетаниями при описании цвета глаз в русском языке будут *глаза голубые, черные, карие, серые*. Сочетания, соответствующие системным правилам сочетаемости, принятым в данном языке, однако, обладающие низкой частотностью вследствие малой частотности той ситуации, которую они описывают, попадают в разряд *возможных* (виртуальных – virtual). Например, к таким сочетаниям относятся *глаза зеленые, фиалковые, бирюзовые, цвета морской волны*. Следующая группа – это сочетания *допустимые* (admissible), т.е. такие, которые теоретически возможны, но соответствуют ситуациям крайне маловероятным (например, *золотые глаза, рыжие глаза*). И, наконец, если словосочетания нарушают существующие в языке правила сочетаемости и не реализуются в дискурсе, они могут быть названы *недопустимыми* (inadmissible) (*клетчатые глаза*).

Если учитывать эту сетку, то обычные сочетания вряд ли можно отнести к креативным. Недопустимые сочетания, в свою очередь, испытывают давление системы или препятствуют пониманию. Поэтому креативность – это реализация того, что возможно, но маловероятно, или же продуцирование того, что может быть допустимо при определенных обстоятельствах.

На разных уровнях языковой системы степень допустимости отклонений от нормы, в которых может быть заложено направление дальнейшей эволюции нормы, будет различной. Наиболее жесткие нормативные правила отмечены в грамматике, но лексическая сочетаемость, где ограничения менее жесткие, также не допускает большой свободы. Например, в русском языке *лес* не может быть *прозрачным*, а *постель* не может быть *беспокойной*. Однако, при явном нарушении нормативной сочетаемости, когда подобные словосочетания реализуются в дискурсе, они не препятствуют пониманию и, более того, формируют яркие образы: **Прозрачный лес** один чернеет; *Нева металась, как больной в своей постели беспокойной* (А.С. Пушкин). Более того, очень многое из того, что лингвисты относят к сфере стилистических приемов, нарушает языковую норму, если понимать ее как «устоявшееся, традиционное, принятое всеми употребление».

Отметим также, что норма – это не столько уже имеющиеся употребления языковых средств, сколько своеобразные программы дальнейшей «правильной» реализации языковой способности человека в дискурсивных практиках. Иными словами, норма – это совокупность моделей конструирования высказываний в соответствии с принятыми и кодифицированными правилами грамматики, фонетики, а также правилами выбора слов и фразеологизмов и их сочетания при формировании последовательностей языковых элементов.

Однако норма – это одновременно и некоторые неписанные, но реально существующие правила вариативности возможных употреблений, которые интуитивно ощущаются носителями языка. Это подтверждает уже высказанное нами утверждение о том, что лингвокреативность – это прерогатива только носителей языка. Это очевидно, поскольку креативность в речи требует абсолютного владения языковой системой, которое вряд ли возможно у «не-носителей». Кроме того, творческое использование языковых средств в процессе коммуникации предполагает не только знание «языковой нормы» на разных уровнях языковой системы, но и **знание закономерностей и пределов вариативности этой языковой системы**. Иначе придуманный говорящим «креатив» со всей его новизной и необычностью не будет понятен другим участникам коммуникации и они не смогут декодировать замысел автора, который это необычное употребление создал. Помимо уже высказанных выше ограничений имеется еще одно, по крайней мере, желательное для креативного использования языковых средств условие – высокий уровень образования. Это предполагает хорошее знание грамматики, наличие большого словарного запаса, знание произносительных норм и др., т.е. знания всего того, что составляет основу свободной речевой деятельности и умения адекватно и точно выражать свои мысли. Впрочем, последнее требование скорее желательное, чем необходимое, поскольку уровень образования напрямую с культурой речи не связан, в том смысле, что высокий уровень образования не обязательно предполагает и высокий уровень культуры речи.

Все перечисленные выше теоретические проблемы, так или иначе, связаны с «ролью личности в языке», т.е. с вопросом о том, насколько «креативен» может быть говорящий в процессе пользования языком, при каких условиях креативность говорящего может проявляться, и почему необычный выбор языковых средств говорящим не препятствует пониманию в ходе коммуникации.

Таким образом, параметр нормативности позволяет уточнить понятие лингвокреативности и определить **лингвистическую креативность как**

тестирование вариативного потенциала языковой системы в процессе дискурсивной деятельности говорящего с учетом возможных пределов расширения нормы.

Особенно интересно применить такое понимание лингвокреативности к заимствованиям, которые практически никогда не рассматриваются в данном контексте. И, возможно, представление о норме также играет здесь не последнюю роль, поскольку приток иноязычных заимствований в какой-либо язык очень трудно прогнозировать и невозможно моделировать, а вопрос о нормативности возникает только когда речь идет о процессе ассимиляции заимствований.

Тем не менее, введение в языковую систему иноязычных элементов, безусловно, – процесс творческий, и его изучение может позволить лучше понять, что такое лингвокреативность.

Процесс появления заимствований в принимающей языковой системе стихийно и обусловлен ростом и развитием языковых контактов. Однако, в настоящее время в связи с усилением влияния английского языка в качестве «мирового», т.е. языка межнационального общения в мировом масштабе, во многих языках, в том числе, в русском языке, появились многочисленные заимствования из английского языка, которые активно замещают исконные формы выражения. Подобные англицизмы весьма многочисленны, зачастую неоправданны и, соответственно, часто вызывают раздражение у носителей языка. Нужно ли и стоит ли бороться против этого явления? Несмотря на большой интерес к заимствованиям и долгую историю их изучения, до сих пор никому не удалось объяснить, почему одни заимствования легко входят в систему принимающего языка, а другие – воспринимаются как нечто явно чуждое и даже как «насилие над языком».

Мнения лингвистов по этому поводу разделились, и многие считают, что принимающий язык готов «переработать» любой поток иноязычной лексики, тем более что в истории имеются соответствующие прецеденты. Так, в самом английском языке на протяжении столетий существует мощный слой романских заимствований, которые по разным оценкам составляют от 60% до 80% всего его словарного состава.

Далее мы постараемся показать, что заимствования из латыни и французского в английском языке – это особый случай, и этот опыт не может быть распространен, например, на русский язык.

В любом европейском языке достаточно большое количество заимствований вследствие взаимодействия разных языков и культур на относительно небольшой территории. Однако английский язык стоит здесь особняком, поскольку латинские и французские заимствования составляют более половины его словарного состава. При этом они являются очень частотными, а в газетном дискурсе составляют абсолютное большинство лексики. Некоторые историки английского языка в шутку говорят, что *English is French badly pronounced* (~ ‘английский язык – это французский язык, но с неправильным произношением’).

Причины того, что английский язык, фактически перейдя в большой степени на старофранцузскую лексику, сохранил свой строй и систему германского языка, В.Н. Ярцева видит в том, что в среднеанглийский период словарный состав английского языка интенсивно пополнялся за счет активизации словообразовательных моделей, которые сформировались на базе переразложения французских заимствований. При этом происходило изменение категории субъектно-объектных отношений в английском

языке и появление заимствований этому процессу не противоречило и, более того, этот процесс поддерживало: «...французские заимствования не мешали, а наоборот, только помогали процессу разложения переходных и непереходных глаголов» [Ярцева 1960: 172]. Поэтому при заимствовании большого количества французских глаголов они существовали параллельно с исконными глаголами и одновременно участвовали в изменениях словообразовательной и грамматической системы английского языка. Иными словами, заимствования не проявляли своей чужеродности и казались такими же полноправными элементами английской языковой системы, как и исконная лексика.

В результате, французские заимствования настолько прочно закрепились в английском языковом сознании, что сформировалась своего рода диглоссия [Adamson 1989], которая стала частью языковой нормы и, следовательно, основанием для лингвокреативности.

Проиллюстрировать участие романских заимствований в языковой игре в современном английском языке можно на примере того, как заимствованная лексика используется в книгах Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере. Придуманной этой писательницей мир волшебников и магов имел много реалий, которые потребовали обозначения, а процесс номинации разных объектов креативен по определению. Имена волшебников и волшебниц, названия волшебных предметов и др. должны были быть необычными. Однако книга изначально предназначалась для детей от 10-ти лет, и поэтому при всей своей необычности все эти имена должны были быть в определенной степени «узнаваемыми». Англоязычная читательская аудитория и так прекрасно воспринимала имена реалий волшебного мира, однако в Великобритании стали появляться издания, которые ставили своей целью более подробно объяснить детям как основным читателям происхождение новых для них лексических единиц и имен собственных, а также установить ассоциации с историческими и мифологическими прецедентами [Colbert 2001]. При этом в большинстве случаев Д. Колберт старается возвести «волшебные имена и наименования» к латыни – к языку науки и языку ученых, хотя в них четко прослеживается связь именно с романским слоем заимствований в английском языке, где семантика латинских корней уже опосредована французским языком. Так, имя темного лорда – это французское *vol+de+mort* – *полет смерти*, а имя Malfoy, которое Д. Колберт ассоциирует с лат. *maleficus* (*evil-doer* ~ *злодей*) [Colbert 2001: 129], на самом деле, прежде всего, ассоциируется с франц. *mal* – *плохо / плохой*. Этому способствует наличие в английском языке таких слов, как *maleficent* (*hurtful, criminal* ~ *опасный, криминальный*); *malevolent* (*desirous of evil to others* ~ *желающий зла другим*); *malformation* (*faulty formation* ~ *конструктивная ошибка*); *malfunction* (*fail(ure) to function in a normal or satisfactory way* ~ *сбой в работе системы*) [COD]. При этом два последних слова характеризуются достаточно высокой частотностью употребления.

Интересно в этом плане отметить, что у британской аристократии достаточно распространены фамилии французского (т.е. исходно латинского) происхождения, например, *Marquis Beauchamp*. В книгах о Гарри Поттере также отмечается существование «правильных» волшебников, ведущих свой род от древних «волшебных» семей, с такими фамилиями, как Malfoy, и «неправильных» волшебников (*mud-blood wizards*), получивших магические способности по воле игры природы. У последних такие фамилии, как *Potter* и *Granger*.

Но лучше всего влияние романского элемента в английском языке видно при рассмотрении того, как Дж.К. Роулинг конструировала названия заклинаний.

Например, заклинание «обездвиживания» *expelliarmus* имеет окончание *-us*, которое сразу вызывает ассоциации с латынью. Но слова *expello* со значением *expel* ‘исключать, выгонять’ (как считает Д. Колберт) в латыни нет. Английский глагол *to expel*, действительно, восходит к латыни – к глаголу *pellare (to drive – ‘вести, направлять’*; тот же корень, что и в английском глаголе *to appeal* [OED; COD]). Этот глагол образован уже в английском языке в среднеанглийский период посредством присоединения приставки *ex-*. При этом необходимо помнить, что при заимствовании происходит семантическая и когнитивная ассимиляция заимствований, когда формируется новое когнитивное основание семантики заимствованного слова [Беляевская 2019; 2021]. В результате когнитивной ассимиляции слова за заимствованием при его функционировании в системе принимающего языка стоит иное когнитивное представление по сравнению с исходной языковой системой. Как следствие, все производные заимствованного слова будут легко идентифицироваться носителями заимствующего языка, но покажутся очень странными носителям того языка, из которого произошло заимствование. Иными словами, если можно было бы себе представить носителей латинского языка в его древней форме, но живущих в настоящее время рядом с нами, то форма *expelliarmus* показалась бы им очень странной, нарушающей нормы латинского языка.

Аналогичным образом:

Riddikulus – заклятие высмеивания. Английские параллели: *ridicule, ridiculous*. Происхождение: F, or L. *ridiculum* neut. of *ridiculus* ‘laughable’ (*ridere* ‘laugh’) [OED; COD]. Современные французские параллели: *ridicule, ridiculement, ridiculiser* с тем же значением. Необычность формы обеспечивается изменением графической формы при сохранении произносительной формы.

Obliviate – заклятие забвения. Английские параллели: *oblivion, oblivious* с тем же значением. Происхождение: ME f. OF, f. L. *oblivio – onis (oblivisci ‘to forget’)* [OED; COD]. Современные французские параллели: отсутствуют. Необычность формы поддерживается формой производного глагола, который возможен в английском языке (*translate, propagate, etc.*), но фактически отсутствует.

Cruciatus – заклятие (запрещенное) невыносимой боли, сводящей с ума. Английские параллели: *excruciate – ‘torment acutely’ (a person’s senses). Excruciating pain, crucify, crucifixion*. Происхождение: f. L. EX (*cruciare* f. *crux, crucis* cross) [OED; COD], т. е. ‘распять на кресте’. Современные французские параллели: *crucifier* ‘распять’. Необычность обеспечивается изменением формы – изъятием приставки.

Таким образом, романские заимствования, веками существовавшие в английском языке, становятся основанием для языковой игры, т. е. для креативного использования языковых средств.

Справедливости ради следует указать, что среди имен «заклятий» имеются и, по первому впечатлению, более очевидные случаи, когда смысл заклинания для носителей языка очевиден и кажется, что они сформированы только благодаря стилизации формы «под латынь». Однако, как показывает анализ, это давно ассимилированные романские заимствования со значением уже достаточно отличным от исходного.

Expecto Patronum – заклятие обращения за помощью к магическому помощнику. Английские параллели: *expect – ‘regard as likely’ ~ ‘ожидать’*. Происхождение: f. L. EX (*spectare* ‘look’) [OED; COD], т. е. ‘смотреть, видеть’. Современные французские параллели: *expectative* (книж.) ‘вероятностный прогноз’. Английские параллели:

patron – ‘one who countenances, protects, or gives influential support to’ ~ ‘патрон, хозяин’. *Patronage, patronal*. Происхождение: ME f. OF, f. L. *patronus* – ‘protector of clients, defender’ [OED; COD], т. е. ‘защитник, адвокат’. Современные французские параллели: *patron* (опне) ‘хозяин, хозяйка’. Необычность обеспечивается стилизацией формы – присоединением суффикса *-um*.

Repair – заклятие «починки», восстановления первоначального вида. Английские параллели: *repair* – ‘restore to good condition’, т. е. ‘починить’. Происхождение: ME, f. OF *reparer* f. L. *re-* + *parare* – ‘make ready’ ~ ‘готовить’ [OED; COD]. Современные французские параллели: *reparer* с тем же значением. Необычность обеспечивается изменением графической формы и стилизацией.

Проведенный анализ показывает, что в описанных выше случаях креативность в процессе номинации обусловлена обыгрыванием заимствованных корней, их словообразовательных моделей, а также обыгрыванием графической формы, благо, вследствие особенностей исторического развития английской языковой системы английские фонемы имеют множественные графические соответствия. При этом прагматически заданная необычность и стилизация креативных употреблений достигаются в тексте посредством обращения к имеющимся в языке средствам и расширения потенциала их реализации.

Но значит ли проведенное выше описание, что заимствования, сколько бы их ни было, легко встраиваются в языковую систему принимающего языка и вполне естественно начинают участвовать в языковой игре и креативной реализации языковых средств? Такой вывод был бы, по нашему мнению, абсолютно неверен, и, более того, полученные нами данные свидетельствуют о том, что заимствования, даже полностью ассимилированные, все-таки в определенной степени сохраняют свою автономность. Именно так считают английские исследователи, которые говорят о том, что «латинизированный английский следует рассматривать как язык, альтернативный исконному английскому» и ведут дискуссию о «языке в языке» [Adamson 1989: 204]. Возможно, здесь решающую роль играет количество романских заимствований, а также то, что они часто сохраняют свои исконные семантические связи (составляют самостоятельные семантические группы). И именно это подводит нас к выводу о том, что чем больше в каком-либо языке заимствований из одного (в широком смысле) источника, тем выше вероятность того, что принимающий язык не сможет их полностью переработать, даже несмотря на то, что все они будут полностью ассимилированы.

Кроме того, можно сделать некоторые выводы относительно места заимствований в языковой системе и об их отношении к норме. Выше мы уже отмечали, что при анализе заимствований речь о норме может заходить тогда, когда пришедшие в язык иноязычные элементы начинают адаптироваться к системе принимающего языка, испытывая «давление» этой системы. Однако, до сих пор не ставился вопрос о том, насколько заимствования готовы встраиваться в новую систему. Иными словами, необходимо учесть, готовы ли заимствования воспринять «давление» системы принимающего языка, модифицируя норму посредством ее расширения, или же они сами будут «давить» на систему принимающего языка, нарушая ее норму и устанавливая свои правила употребления и текстоформирования. По-видимому, это может быть важным и интересным направлением дальнейшего исследования.

© Беляевская Е.Г., 2022

Литература

Беляевская Е.Г. О когнитивной ассимиляции заимствований // Когнитивные исследования языка. № 38. 2019. С. 348–356.

Беляевская Е.Г. Фрейм «Конфликт» в языке и тексте (на материале английского языка) // Язык в глобальном контексте: языковые контакты и языковые конфликты в современном мире: сборник научных трудов. Сер. «Теория и история языкознания» РАН. ИНИОН. М., 2021. С. 145–156.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Зыкова И.В. Методологические векторы изучения лингвистической креативности в кинодискурсе // Уральский филологический Вестник: Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. 2(29). С. 23–36. DOI 10.26170/ufv20-02-02 ISSN 2306-7462

Зыкова И.В. Язык и дискурсы: На новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. С. 11–20.

Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

ЛДРТ – Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент, 2021. 564 с.

Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во Иностранной литературы, 1960. 339 с.

Ярцева В.Н. Историческая морфология английского языка. М., Ленинград: Изд-во АН СССР. 1960. 195 с.

Adamson, Sylvia. With double tongue: Diglossia, stylistics and the teaching of English // Reading, Analysing & Teaching Literature. ed. By Mick Short. London and New York: Longman, 1989. P. 204–240.

Colbert, David. The Magical Worlds of Harry Potter. A Treasury of Myths, Legends and Fascinating Facts. London: Puffin Books, 2001. 224 p.

The Compact Edition of the Oxford English Dictionary. Vol. I, II. Oxford: Oxford University Press, 1980. 4116 p. – (OED).

The Concise Oxford Dictionary. 6-th ed. / by J.B. Sykes. Oxford: Clarendon Press, 1976. 1368 p. — (COD).

Micro Robert. Dictionnaire de Français Primordial. Tome 1. & Tome II. Garnier-Flammarion. 1211 p.

Сведения об авторе:

Беляевская Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры лексикологии английского языка, факультет английского языка ФГБОУ ВО МГЛУ

Контактная информация:

119034, Москва, Остоженка, д. 38

email: bellgeorgelena@gmail.com

Для цитирования:

Беляевская Е.Г. Лингвистическая креативность: нарушение нормы? // Вопросы психолингвистики № 3(53) 2022, С. 62–73, doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73

UDC 81'36

LBC 81

DOI 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73

Research article

LINGUISTIC CREATIVITY: IS IT REALLY THE VIOLATION OF THE LANGUAGE NORM?

Elena G. Belyaevskaya

Moscow State Linguistic University.

Moscow, Russia

Abstract

The paper sets out to show that linguistic creativity which is usually associated with inventive, imaginative, and frequently unexpected use of language means to enhance the expressive back up of communication should not be taken as mere violation of the universally accepted language and/ or communicative norm. Linguistic creativity is a feature of language performance based on language competence which is unthinkable without the norm, the latter being described as a set of mental models underlying the formation of utterances which are to be built according to the acknowledged codified rules of grammar and phonetics as well as the rules of making up word combinations. The norm codifies prescriptive use but also allows for certain variability which helps to adapt language performance to the constantly changing communicative environment. Thus, language competence implies the knowledge of the scope of norm variability, and with regard to this point, linguistic creativity may be defined as testing the variability potential of the language system in discourse with special reference to the limits it might be extended to. Linguistic creativity is found on all levels of the language system including borrowings, though the latter are usually left out of language creativity studies. However, the material of English (a Germanic language), where Romance borrowings constitute more than half of its vocabulary, shows that borrowings prove to be a good point of departure for language creativity but only in case they are fully adapted to the recipient language system.

Keywords: linguistic creativity, norm, variability, the limits of the system variability, cognitive patterns underlying semantics, borrowings, Romance borrowings in English

© Belyaevskaya E.G., 2022

Bionotes:

Elena G. Belyaevskaya – Doctor of Philology (Dr. habil.), Moscow State Linguistic University, Professor, Chair of English Lexicology

Contact information:

2 Ul. Ostozhenka, 38, c. 1, Moscow, 119034

email: bellgeorgelena@gmail.com

For citation:

Belyaevskaya E.G. (2022) Linguistic creativity: Is it really the violation of the language norm? *Journal of Psycholinguistics*. 3(53) 2022, P. 62–73. Available from: doi: 10.30982/2077-5911-2022-53-3-62-73 (in Russian)